

**ПУБЛИКАЦИИ Н. Я. БИЧУРИНА В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ»:
ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ И ЯЗЫКА**

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности языка и стиля этнографических сочинений Н. Я. Бичурина (отца Иакинфа), опубликованных в журнале «Отечественные записки» и включенных позже в книгу «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение». Идиостиль Н. Я. Бичурина в трудах о Китае на фоне русского научного стиля первой половины XIX в. до сих пор не стал предметом специального изучения, что обеспечивает актуальность темы статьи. Анализируются наиболее яркие черты языка рассматриваемого собрания произведений (смешение разных языковых стилей, колебания в орфографических и грамматических употреблении, обилие эмоциональных оценочных эпитетов), подчеркивается влияние публицистического стиля на стилистический облик исследуемого материала.

Ключевые слова: *Н. Я. Бичурин, научный стиль XIX века, историческая стилистика, язык этнографических сочинений, идиостиль, публицистический стиль, колебания в грамматических и орфографических употреблении.*

Актуальность исследуемой проблемы. Журнал «Отечественные записки», выходящий в г. Санкт-Петербурге в 1818–1884 гг., оказал значительное влияние на развитие литературной формы русского языка первой половины XIX в. В лингвистической литературе на сегодняшний день нет специальных, собственно лингвистических работ, посвященных рассмотрению идиостиля Н. Я. Бичурина, тем более на фоне формирования научного стиля русского литературного языка (и подстиля этнографических работ) на протяжении первой половины XIX в.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили публикации Н. Я. Бичурина в «Отечественных записках», включенные позже в его первую этнографическую книгу под названием «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение». Как отмечает В. С. Григорьев, «уже в первых своих публикациях (в том числе, безусловно, и в «Отечественных записках». – Ч. II.) Н. Я. Бичурин совершает значительный прорыв в сборе объективных сведений о Китае и подлинно научном обобщении материалов о его истории, культуре и современном экономическом состоянии» [5, с. 50]. При систематизации и описании языкового материала нами применялись методы лингвистического наблюдения, функционально-семантического анализа целого текста, а также лексико-семантического анализа.

Результаты исследований и их обсуждение. На новом витке истории, в период бурного развития русской национальной науки начала XIX в., Н. Я. Бичурин был одним из тех ученых, кто формировал стиль и методику молодой российской науки, прежде всего этнографии. В известной степени его можно назвать новатором языка русской этнографии.

© Чэнь Пэйцзюнь, 2018

Чэнь Пэйцзюнь – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: liliachen@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.09.2018

В процессе формирования литературного языка и его функциональных стилей системные связи между книжно-славянскими (церковнославянскими) языковыми формами, с одной стороны, и разговорным языком – с другой, «отсутствуют, это создает определенные проблемы и трудности для тех, кто стоит у истоков создания литературного языка и его стилей» [8], [9, с. 76]. В связи с этим представляется интересным проанализировать книжно-славянские (церковнославянские), разговорные и просторечные формы в произведениях Н. Я. Бичурина, который внес вклад в создание научного стиля русского языка.

Рассмотрение славянизмов проводится нами с точки зрения их функционирования в языке Н. Я. Бичурина. Из множества признаков, характеризующих его научную письменную речь, остановимся на тех, которые более других характеризуют его личность, его творческую и безусловно новаторскую исследовательскую натуру, прежде всего на словосложении по типу церковнославянских слов. В течение первой половины XIX в., «наряду с сужением круга славянской лексики в высоком слоге, наблюдается некоторый рост количества стилистических славянизмов. Наиболее продуктивным и значительным в количественном отношении был путь создания новых, так называемых „славянских“, слов посредством аффиксации и словосложения» [7, с. 165]. Благодаря существованию в языке уже готовых моделей Н. Я. Бичурин мог без труда образовывать новые слова по имеющимся образцам. Для толкования китайских реалий он создавал достаточное количество новых слов, к которым принадлежат те самые «новые славянизмы», созданные по готовым моделям. Приведем примеры с некоторыми новообразованными Н. Я. Бичуриным славянизмами:

1) *Въ сѣверозападномъ углу дворцоваго сада, называемого Си-юань, находится жертвенникъ, посвященный Изобрѣтательницѣ шелководѣнія, по-кит.: Сянь-цань-тхань* [1, с. 187].

Слово «шелководелие» (современный вариант «шелководство»), образованное по типу слова «земледелие», не сохранилось в современном русском литературном языке. В основном корпусе Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) обнаружен лишь один документ (2 вхождения), содержащий его, и принадлежит он именно Н. Я. Бичурину.

2) *Сѣверная медвѣдица, по китайскому звѣздословію, содержитъ въ себѣ семь звѣздъ и называется Бэй-дэу, что значитъ сѣверная мѣрка* [1, с. 142].

«Звѣздословіе» образуется по модели слова «баснословие». В НКРЯ обнаружено 2 документа, оба относятся к более позднему времени.

3) *Послѣднія четырнадцать лѣтъ сей династіи составляютъ царствование престохищника Вань-мань (онъ же Синь-мань) мѣрка* [1, с. 133].

Сложное слово «престохищник» в значении «узурпатор», образованное от слов «престол» и «хищник», является калькой с китайского, записывающегося иероглифами 篡位者: 篡 означает «похищать», 位 – «престол», 者 – «человек». Оно также не закрепилось в русском языке, в НКРЯ не нашлось ни одного документа, который бы его содержал.

4) *Сей же самый периодъ составляетъ и Троецарствіе, по-кит.: Сань-го* [1, с. 134].

Слово «троецарствіе», образованное от корней слов «трое» и «царство» и интерфикса -е- и суффикса -иј-, также является калькой с китайского 三國: где 三 – «три», 國 – «царство». Оно обозначает период в истории Древнего Китая, ознаменовавшийся борьбой между тремя китайскими царствами (Вэй, Шу и У), в русском китаеведении до сих пор употребляется как общепринятый термин, который впервые появился, по данным НКРЯ, в тексте, принадлежащем перу Н. Я. Бичурина.

Можно сделать предварительный вывод о том, что в его языке наблюдается очевидная свобода речетворчества, которая, с одной стороны, обоснована потребностями разъяснения новых для русского читателя реалий, с другой стороны, тесно связана с состоянием литературной нормы русского языка современного Н. Я. Бичурина периода, ко-

торый, по мнению ряда исследователей, характеризуется известной отсталостью литературного языка от потребностей времени, от «задач развития просвещения и образования, общественной мысли в целом» [9, с. 3].

«В первой половине XIX в. выразительных средств не доставало, многих норм еще не было. Поэтому авторам критических статей в поисках решений своих прагматических задач приходилось прибегать к возможностям разных источников. К числу этих источников относились разговорный и книжно-славянский (церковнославянский) язык» [9, с. 74].

По части морфологии Н. Я. Бичурин в основном ориентировался на книжную норму и высокий стиль, однако в плане использования лексических единиц он свободно сочетал в своих трудах и книжную, и разговорную лексику.

В его языке замечен ряд местоименных наречий, характерных, по наблюдению Л. А. Булаховского, «для басен Крылова: доселѣ, отселѣ, дотолѣ, оттолѣ» [3, с. 469]:

*Сверхъ сего въ Маньчжуріи не было, и **доселѣ** нѣтъ ни храмовъ для шаманскаго служенія, ни дней опредѣленныхъ для сего* [1, с. 317];

*Въ одно время съ покореніемъ сибирскихъ странъ мы получили первое свѣдѣніе о шаманствѣ, **дотолѣ** неизвѣстномъ Европѣ* [1, с. 315].

Использование уменьшительно-ласкательных форм также относят к элементам преимущественно разговорной речи:

*На семь же **столикѣ** ставятъ **чайечки** съ чаемъ и виномъ, палочки (употребляемая въ Китаѣ вмѣсто вилокъ), длинныя курительныя свѣчи (изъ древесной коры), и проч., а предъ сими вещами впереди поставляютъ **дощечку**, на которой съ лѣвой стороны написано, въ какомъ году и мѣсяцѣ, въ какой день и часъ родился; съ правой написано, въ которомъ году и мѣсяцѣ, въ какой день и часъ умеръ* [1, с. 212].

Часто представлено своеобразное смешение стилей в лексическом аспекте – одновременное употребление разговорных и книжных элементов, иногда даже в пределах узкого контекста.

Любопытны многочисленные колебания в грамматических и орфографических употреблениях, которые обнаруживаются в языке Н. Я. Бичурина. «В первой трети XIX в. не редкость, что язык, и еще более орфография, даже представителей гуманитарных наук на кафедрах, как заметно более грамотных современников, оставляет желать очень много» [2, с. 45]. «Редакции журналов, естественно, становились лабораториями, в которых определялась и фиксировалась литературная норма, притом с особенно большой оглядкой не только на прошлое, но и на потребности настоящего, на публику» [2, с. 46]. В статьях Н. Я. Бичурина, опубликованных в журнале в 1839–1840 гг., наблюдаются сильные колебания в области орфографии: *кладбище – кладьбище, граммата – грамота, мущина – мужчина, мильйон – милліон, тунгусский – тунгузский, нещастіе – несчастіе, идти – идти*. Этот список вариантов достаточно обширен.

Кроме орфографических, в его языке наблюдаются также и многочисленные грамматические колебания. Так, в употреблении форм числа существительных стоит отметить следующее явление: использование собирательных и вещественных слов во множественном числе вопреки их семантико-грамматической природе, не предполагающей множественности:

*Малые **снѣга**, сяо-сюе* [1, с. 143];

*Большіе **снѣга**, да-сюе. Си двѣ перемѣны составляютъ время, въ которое **должны** итти **снѣга**, отъ чего и названіе получили* [1, с. 143].

Множественным числом у Н. Я. Бичурина обладают и абстрактные существительные, которые в нормативном русском языке таких форм иметь не могут:

*Малые жары, сяо-шу. За лѣтнимъ поворотомъ слѣдуютъ **малые жары**, т. е. съ сего времени атмосфера начинаетъ день-отодня разгорячаться, и потому оно названо «**перемѣною малыхъ жаровъ**»* [1, с. 143];

Большіе жары, да-шу. За малыми жарамы слѣдуютъ большіе жары. Какъ въ сіе время атмосфера чрезъ-мѣру разгорячается, то въ отличіе оно названо «перемѣною большихъ жаровъ» [1, с. 143].

Стоит отметить, что все колебания в формах числа – употребления складывавшегося и утверждавшегося в литературном языке единственного числа в колеблющемся множественном числе – относятся к именам собственным, созданным Н. Я. Бичуриным для обозначения китайских, например: *24 перемѣнь атмосферы* [1, с. 140]. Судя по контексту, форма множественного числа выступает здесь как средство создания термина.

Интересны и колебания в образовании существительных со значением лица. В языке Н. Я. Бичурина представлено множество подобных примеров. Одни утвердились в качестве нормы в истории русского литературного языка позднее, другие (многие из них встречаются только у Н. Я. Бичурина) утратились в соперничестве с другими вариантами по разным причинам:

Маньчжур у Монгольцу ни жениться на Китайкахъ, ни дочерей своихъ выдавать за Китайцевъ не дозволяется. Но существенные обряды при бракахъ – сватовство и сочепальная чаша – одинаковы какъ для Китайца, такъ и для Маньчжура, и для Монгола въ Пекинѣ; только есть разность въ видахъ по отношенію къ лицамъ [1, с. 167].

Слово «монголец» в значениях 'житель' или 'уроженец Монголии' встречается единственный раз, в остальных случаях употребляется «монгол», которое позже и установилось в качестве нормы в литературном языке. По наблюдениям Л. А. Булаховского, «в первой половине XIX в. суффиксальные именные образования (с такими суффиксами, как -ник, -ница, -тель и т. д.), обозначающие лиц мужского и женского рода, создавались с большой свободой, но позже многие из них выходили из употребления» [2, с. 49], [3].

Важнейшим признаком любого стиля является его способность оперировать эпитетами, создающими определенный тон произведению, в том числе и научному. Язык Н. Я. Бичурина характеризуется обилием разнообразных эпитетов. Его предпочтение оценочных эпитетов, выражающих сильные эмоции, хорошо прослеживается в следующих примерах:

1) *Они видѣли шамановъ и шаманокъ, совершающихъ мистическіе обряды, и, судя по страннымъ ихъ дѣйствіямъ при семъ, единогласно заключили, что шаманство есть ремесло, которымъ хитрые шарлатаны подъ благовидными формами грубо обманываютъ легковѣрныхъ простаковъ изъ личныхъ выгодъ [1, с. 315].*

В одном контексте рядом употреблено несколько оценочных эпитетов с пассивной окраской.

2) *На сей конецъ Уѣзднымъ Правителямъ дозволено избирать трудолюбивыхъ, бережливыхъ и благонравныхъ землепашцевъ, и давать имъ – для поощренія прочихъ – шарикъ 15-го класса (что соотвѣтствуетъ чину канцеляриста) [1, с. 289].*

Путем увеличения концентрации выразительных эпитетов дается картина нужных качеств избранного землепашца.

Несколько эпитетов подряд встречаются довольно часто:

Самый Пекинъ, эта пестрая, шумная, многолюднѣйшая столица на востокѣ Азии [1, с. 118].

Форма превосходной степени «многолюднѣйшая» изначально включает эмоциональную оценку количественного свойства, поэтому употребление в одном ряду с ним эпитета восприятия «шумная», отражающего звучание, и зрительного эпитета «пестрая» весьма образно передает образ столицы Китая – г. Пекина.

Следует отметить также предпочтение Н. Я. Бичурина в употреблении наречных эпитетов со значением категоричности и наречий степени:

Умерщвление младенцевъ въ Китаѣ, будто бы дозволенное законами, есть совершенная ложь, выдуманная миссионерами и безъ всякаго основанія повторяемая близоумными путешественниками [1, с. 211].

Отрицая распространяемый западными миссионерами обман «об умерщвлении младенцев», Н. Я. Бичурин эмоционально заявляет, что это «совершенная» ложь «безъ всякаго основанія», ее распространение осуществляется лишь через «близоумных» путешественников: полное категоричное отрицание придает его опровержению весьма серьезную убедительность.

Отрицательные наречия категоричности представлены в языке Н. Я. Бичурина нередко:

Но историкъ XII вѣка, Чжу-си, въ своей лѣтописи Китая, подъ названіемъ Гань-му, основываясь на древней исторіи, сокращенной мудрецомъ Кунь-цзы, началъ лѣтосчисленіе съ царствованія государя Яо, т. е. съ 2351 года, отнюдь не опровергая существованія государей, бывшихъ до Яо, и его мнѣніе всѣми учеными признано основательнымъ [1, с. 132].

Перечислим обнаруженные нами наречные эпитеты категоричности и наречия степени: *неимовѣрно высоко, очень много, сплошь кажутся бѣлыми, до бесконечности различнѣе, пронзительнѣе холодна*.

В сравнении с другими статьями книги «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» язык публикаций Н. Я. Бичурина в «Отечественных записках» обнаруживает яркую диалогичность. «Н. Я. Бичурин находится в постоянном заочном диалоге с читателем, который разделяется им на несколько разрядов» [10, с. 74].

В его обращениях к читателям наблюдаются разного рода императивные формы, глаголы в форме повелительного наклонения второго лица, а также вопросно-ответные комплексы, активизирующие внимание. Так, при чтении описания дворца и других общественных зданий в Пекине создается ощущение, будто находишься там рядом с автором:

Разверните планъ Пекина. Я покажу вамъ его расположеніе, а потомъ отъ среднихъ, южныхъ воротъ городскихъ поведу васъ по прямой чертѣ на сѣверъ къ тому мѣсту, откуда богда-ханъ изъ за девяти стѣнъ повелѣваетъ имперію почти съ 400 милліонами жителей [1, с. 118];

Выше я показаль только расположеніе тронныхъ и дворцовъ государевыхъ. Но еще необходимо нужно узнать внутреннее расположеніе зданій. Начнемъ съ воротъ [1, с. 125].

Для того, чтобы оживить повествование и установить прямой контакт с читателем, Н. Я. Бичурин прямо обращается к нему, используя местоимение *я* и личные глагольные формы 1 л. ед. ч., а также императив 1 л. мн. ч. – форму побуждения к совместному действию.

Коснетесь ли его просвѣщенія? Китайцы имѣютъ свою литературу, свои науки, и думаютъ, что они образованнѣе всѣхъ народовъ въ свѣтѣ. <...> Обратите ли вниманіе на учрежденія и законы Китая? Даже просвѣщеннѣйшіе народы Европы могли бы кое-что заимствовать изъ нихъ [1, с. 115].

Вопросительные предложения с характером побуждения, суперлативы, частица *бы*, обозначающая предполагаемое действие, и разного рода оценочные единицы – все эти языковые средства сконцентрированы в приведенном отрывке, что придает ему особую экспрессивность и эмоциональность. Как отмечает Л. Р. Дускаева, «роль вопросно-ответных комплексов в тексте и их значимость для формирования диалогических отношений настолько велика, что нет сомнения в правомерности отнесения их к центральным средствам создания диалогичности» [6, с. 134].

Резюме. Таким образом, после рассмотрения некоторых черт стиля исследовательских статей Н. Я. Бичурина, опубликованных в «Отечественных записках», можно отметить, что в его языке обнаруживается известная пестрота маркированных языковых стилей: он свободно использует разностилевую лексику – стилистически окрашенные

славянизмы, нейтральные книжные слова, слова разговорного языка и просторечия. «Брожения и смешения» [4, с. 371] разных языковых стихий, колебания в грамматических и орфографических употреблениях свидетельствуют не только о сложном пути становления научного стиля (в том числе и подстиля этнографической науки) русского литературного языка, но и о созидательной попытке и усилиях Н. Я. Бичурина в отборе лексико-семантических способов подачи этнографического материала.

Н. Я. Бичурин выходил на читателей через журнал, поэтому именно журнальный стиль, обращенный к широкой публике, стал основой его индивидуального научного стиля. Отсюда проистекают те черты его произведений, которые сегодня можно было бы назвать признаками публицистического стиля, а именно: популяризация повествования, широкая диалогичность, метафоричность суждений и др. Публицистический стиль, безусловно, оказал влияние на стилевой облик исследуемого этнографического материала. Необходимо учитывать, что в целом научный стиль (в частности подстиль этнографической науки) изучаемого исторического периода еще находился в начале своего полноценного развития, и в этом отношении индивидуальный стиль Н. Я. Бичурина – яркое свидетельство этого становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н. Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1840. – 442 с.
2. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. – М. : Учпедгиз, 1954. – 468 с.
3. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. – Киев : Изд-во Киевского ун-та, 1957. – 492 с.
4. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – М. : Высшая школа, 1982. – 528 с.
5. Григорьев В. С. Публицистика академика Н. Я. Бичурина в научно-культурном пространстве Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11(61), ч. 3. – С. 47–51.
6. Дускаева Л. Р. Категория диалогичности функциональная семантико-стилистическая // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта ; Наука, 2011. – С. 134.
7. Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 223 с.
8. Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. Лексика. – М. : Наука, 1964. – 407 с.
9. Тарланов З. А. Русский литературный язык первой трети XIX века: становление норм именных классов слов в критико-публицистическом стиле. – Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2016. – 128 с.
10. Чэнь Пэйцзюнь. Диалогичность текстов в этнографических трудах Н. Я. Бичурина о Китае // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 4(173). – С. 72–76.

**PUBLICATION BY N. BICHURIN IN «OTECHESTVENNYE ZAPISKI»:
PECULIARITIES OF STYLE AND LANGUAGE**

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. This article explores the features of language and style of ethnographic works of Priest Iakin' (N. Bichurin) based on his publications in «Otechestvennye Zapiski», which were later included in the book *China: People, Customs, Folkways, and Education*. The specific features of N. Bichurin in his book on China represented the Russian scientific style in the first half of the 19th century, which had never been a subject of special study before, thus ensuring the feasibility of the topic of the article. The article analyzes the brightest language features of the collection of N. Bichurin including a mixture of various linguistic elements, fluctuations in forms of spelling and grammar, and an abundance of emotional appraisal epithets; emphasizes the influence of the journalistic style on the stylistic appearance of the material being studied.

Keywords: *N. Bichurin, scientific style of the 19th century, historical stylistics, language of ethnographic works, idiostyle, journalistic style, fluctuations in forms of spelling and grammar.*

REFERENCES

1. *Bichurin N. Ya.* Kitaj, ego zhiteli, nrawy, obychai, prosveshhenie. – SPb. : Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1840. – 442 s.
2. *Bulakhovskij L. A.* Russkij literaturnyj yazyk pervoj poloviny XIX veka. Fonetika. Morfologiya. Udarenie. Sintaksis. – M. : Uchpedgiz, 1954. – 468 s.
3. *Bulakhovskij L. A.* Russkij literaturnyj yazyk pervoj poloviny XIX veka. Leksika i obshhie zamechaniya o sloge. – Kiev : Izd-vo Kievskogo un-ta, 1957. – 492 s.
4. *Vinogradov V. V.* Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov. – M. : Vysshaya shkola, 1982. – 528 s.
5. *Grigor'ev V. S.* Publicistika akademika N. Ya. Bichurina v nauchno-kul'turnom prostranstve Rossijskoj imperii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 11(61), ch. 3. – С. 47–51.
6. *Duskaeva L. R.* Kategoriya dialogichnosti funkcional'naya semantiko-stilisticheskaya // Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoj. – M. : Flinta ; Nauka, 2011. – S. 134.
7. *Zamkova V. V.* Slavyanizm kak stilisticheskaya kategoriya v russkom literaturnom yazyke XVIII v. – L. : Nauka. Leningr. otd-nie, 1975. – 223 s.
8. *Levin V. D.* Ocherk stilistiki russkogo literaturnogo yazyka konca XVIII – nachala XIX v. Leksika. – M. : Nauka, 1964. – 407 s.
9. *Tarlanov Z. A.* Russkij literaturnyj yazyk pervoj treti XIX veka: stanovlenie norm imennykh klassov slov v kritiko-publicisticheskom stile. – Petrozavodsk : Izd-vo Petrozavodskogo gos. un-ta, 2016. – 128 s.
10. *Chen' Pejczyun'.* Dialogichnost' tekstov v etnograficheskikh trudakh N. Ya. Bichurina o Kitae // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 4(173). – S. 72–76.

© Chen Peijun, 2018

Chen Peijun – Post-graduate Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: liliachen@yandex.ru

The article was contributed on September 21, 2018